

Протоиерей Михаил Ходанов

По поводу моей любви к Высоцкому

Размышления и воспоминания

Помню, что с самого детства в нашем доме звучали песни Высоцкого, Новеллы Матвеевой, Окуджавы. Всё это я любил, ставил, слушал. Первым среди равных был, конечно, Высоцкий — и для меня, и для моей мамы, через которую я и полюбил Поэта.

С давних лет он мой спутник, голос родительского дома, домашнего тепла...

Я многое, конечно, тогда не понимал в его песнях — а у нас их было предостаточно. На плёнках, как правило, плохого качества. И всё же, не понимая, испытывал интуитивное доверие к его голосу, к интонациям. А какие-то фразы сразу пробивали моё маленькое сердце насквозь: «Если друг оказался вдруг», «У тебя глаза, как нож, если прямо ты взглянёшь...», «И возле самого дворца ошивался, этот самый то ли бык, то ли тур», «Лукоморья больше нет» и прочее.

Потом, по мере моего взросления, ряд его песен раскрыл передо мной новые горизонты. Я знал эти песни наизусть. И из «Вертикали», и другие:

На судне бунт, над нами чайки реют,
Вчера из-за дублонов золотых
Двух негодяев вздернули на рею,
Но мало! — нужно было четверых!...
...И вот волна, подобная надгробью,
Всё смыла, с горла сброшена рука.
Бросайте за борт всё, что пахнет кровью.
Поверьте, что цена невысока!»

Какие глубокие смыслы, какая шекспировская широта поэтических мазков!.. Его стихи учились легко, как и стихи Пушкина.

НЕКРАСИВАЯ ИСТОРИЯ

Когда я решил связать свою жизнь с Богом и поступил в Семинарию, то хотел отбросить всю свою старую жизнь. В том числе я начал стыдиться и своего увлечения Высоцким. В Семинарии, где меня окружали Святые Отцы и преподаватели с крестами и в рясах, я, вчерашний переводчик-синхронист арабского языка, служивший коммунизму в недрах Международного отдела ЦК КПСС, особенно остро ощущал несоответствие между своим прежним мирским и нынешним духовным началом.

Я перестал петь Владимира Высоцкого и поспешно осудил его за «грубость», «блатной налёт» в лирике и прочие его грехи, как творческие, так и личные. Вы понимаете, что со мною произошло? Я стал огульно отрицать всё своё прошлое с его живыми людьми и упорно не видеть там ничего светлого.

А ведь именно Высоцкий всколыхнул когда-то мою духовность, заставил думать о чести и достоинстве, об ответственности и трусости, о жизни и смерти, о геройстве и приспособленчестве. Именно он ввёл меня в мир, где требовалось быть мужчиной и ощущать ответственность за прошлое, будущее и настоящее.

Темнота впереди, подожди!
Там стеною закаты багровые,
Встречный ветер, косые дожди,
И дороги, дороги неровные...
Там и звуки, и краски не те,
Только мне выбирать не приходится,
Очень нужен я там, в темноте,
Ничего! Распогодится!

И его, моего Высоцкого, человека, песни которого я пропустил через свою душу, который помогал мне жить и не терять надежды, который поддерживал меня в самых трудных обстоятельствах, я вдруг стал стыдиться и чураться!.. В общем, некрасивая получилась история.

Но всё вдруг разрешилось самым неожиданным образом. Однажды в разговоре со своим приятелем-семинаристом (после вечерней молитвы в спальней комнате на двадцать человек), когда тот стал огульно ругать Высоцкого, я вступился за поэта. Семинарист, отходя от меня, спросил меня как конченого человека:

— Ты что, любишь Высоцкого больше, чем Бога?

Ну и постановочка вопроса!..

И вот когда при мне несправедливо обругали Высоцкого, мне стало больно на душе. Оказывается, я продолжал любить поэта. И я покался тогда в сердце своём — и сказал любимому человеку: «Прости меня, Владимир Семёнович, я сделаю всё возможное, чтобы люди в Церкви полюбили тебя, потому что ты сам жертвенно любил всех своих ближних и дальних. Твоё зрелое творчество — убедительное тому подтверждение».

Был ли он для меня кумиром? Нет. Идолизация — это умопомрачение, взрослый детский сад, «Канатчикова дача». Тут и говорить не о чем. Даже будучи ещё совсем невоцерковленным, я никогда не делал из Высоцкого полубога. Он просто привлекал меня к себе — вот и всё. Ну а его падения и разного рода слухи, распространявшиеся по этим поводам, я, до своего воцерковления, переживал мучительно и с надрывом.

У Высоцкого, как и у Есенина, есть немало стихов, в которых очень талантливо и даже притягательно запечатлено болезненное состояние души. Спрашивают: нет ли в этом искушения? Тут всё зависит от человека. Надо уметь и хотеть извлекать духовную пользу из ошибок, как собственных, так и тех, что были совершены нашими страдающими ближними.

Почему я люблю Высоцкого? На то есть три причины. Первая — он был правдив. Всю силу своего творчества он направил на то, чтобы научиться жить не по лжи. В гражданском плане у него это очень получилось. На его зрелых песнях мы воспитывались мужеству и ответственности за всё, что происходит вокруг нас.

Следующая причина: для меня он эстетически убедителен. Всё, что он делал, он делал красиво. Красота и гармония — то, чего всем нам так не хватало при социализме, и то, чего совершенно нет и сейчас.

Третья причина — он любил своего слушателя. Эта любовь пронизывает всё его творчество. Любовь и добро. От того так и тянутся к нему люди. Они всё чувствуют, их не обманешь. В Высоцком был представлен редкий дар любви — суровая нежность. Не сюсюканье, не слюняйство, не подкаблучничество, когда во всём потрафляешь женщине, только чтобы её добиться, а потом хоть трава не расти. И не водочно-застольное корешеванье, которое назавтра рассыплется, как карточный домик. А что же? Да вот что:

Я поля влюблённым постелю,
Пусть поют во сне и наяву.
Я дышу, и значит, я люблю,
Я люблю — и значит, я живу!

Между прочим, Бог христиан есть истина, красота и любовь. В этих же координатах работал и Высоцкий. Как настоящий Поэт, он, несомненно, был проводником Бога на земле. Он дар нам свыше, от Бога, для нашего утешения. Тут есть над чем задуматься.

СИЛА СЛОВА

У меня много любимых песен Поэта. Укажу на три:

— «В суету городов» — здесь тончайшая лирика и грусть, которые особенно сродни русскому характеру. Здесь горы и чистый воздух, здесь завораживающая красота творения Божиего, к которому извечно тянется тоскующая по Богу душа человеческая.

«Средь оплывших свечей и вечерних молитв...» — здесь потрясающая героика и стимул лично для тебя — совершить в жизни что-то значимое, высокое и доброе для людей, которых любишь. То же самое можно сказать и о стихотворении «Баллада о времени»: «Замок временем скрыт и укутан, укрыт в нежный плед из зелёных побегов...»

«В холода, в холода...» — в этом стихотворении — онтологическое беспокойство, которое терзает и мучает душу, живущую в отрыве от Бога. Особенно это было заметно в советское время, когда поиск Бога виделся в обре-

тении новых друзей, новых встреч и надежд. А нужен был один единый Бог. И всё прочее бы приложилось. Затаённый смысл этой песни, на мой взгляд, касается именно этой темы.

Что мне дорого в Высоцком? Сила слова и заключённого в нём духа. Активное гражданское начало. Желание положить душу свою за други своя. Нетерпимость к фальши, лжи, обману и злу.

По поводу исследования творчества Поэта. По-настоящему узнаёшь человека только тогда, когда пропускаешь его творчество, его боль и радость через себя, своё сердце и душу, день за днём. Так что у меня исследовательский интерес фактически начался в 1980 году, в год кончины поэта.

За годы, посвящённые исследованию духовного мира поэта, у меня случались неожиданные, интересные встречи. Появлялись люди, которые так или иначе его знали, соприкасались с ним, и они передавали мне сказанные им те или иные фразы. К сожалению, среди этих людей было немало и тех, кто сообщал о поэте всякого рода скабрёжности.

Наиболее интересными для меня были воспоминания о нём главного реставратора России Саввы Ямщикова, с которым мне посчастливилось общаться часто и всерьёз. Яркий был человек Савва Васильевич, уровня Высоцкого по сильной и целостной личности! Конечно, это Людмила Владимировна Абрамова, жена Высоцкого и мать его детей. Она знала его исключительно глубоко. Знаю я и Вадима Туманова, самого близкого друга Высоцкого, человека удивительной судьбы, который очень помог Высоцкого в последние десять лет его жизни. Помог жить и преодолевать внутренние кризисы.

Многие люди интересуются — был ли крещен Владимир Высоцкий, и если да, то при каких обстоятельствах? Это дорогая моему сердцу история.

Загоняй поколения в парную
И крещенье принять убеди.
Лей на нас свою воду святую
И от варварства освободи,

— так писал сам Высоцкий.

Крещение Высоцкого состоялось в начале 1970 года. Причина принять это Таинство — желание самого поэта. При общении на эту тему с близкими Владимира Семёновича, а именно с его второй супругой Людмилой

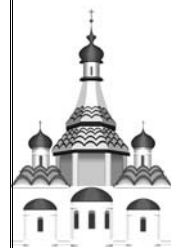
Владимировной Абрамовой, я узнал, что приятель Высоцкого, переводчик с итальянского Давид Карапетян (он недавно скончался), сын тогдашнего предсовмина Армянской ССР, помог ему осуществить этот замысел. Чтобы избежать опасности огласки крещения в Москве (поэт не хотел неприятностей ни своему отцу, кадровому офицеру, ни режиссёру Ю.П. Любимову, в труппе которого работал), Высоцкий поехал с Карапетяном в Армению, где и принял Святое крещение.

О причине этого события можно с основанием предположить следующее. В то время он уже был влюблён в Марину Влади. Они пришли друг к другу очень и очень сложно. Высоцкий расстался со своей прежней семьёй, а это было тяжело и проблемно — ведь помимо трагедии порушенной любви остались ещё двое маленьких детей. У Влади тоже были непростые семейные коллизии. Тем не менее Владимир и Марина оказались вместе.

Через крещение Высоцкий попытался поднестись над действительностью, обрести чистоту и ощутить присутствие Живого Бога, увидеть оправдание своего нового периода жизни, доказать самому себе, что всё у него теперь будет по-другому — хорошо, светло и богоугодно.

Все, кто любил и страдал от боли личных страстей и томлений, когда ломается вся прежняя жизнь и на её обломках мучительно возникает что-то трепетное, светлое, тонкое и новое, легко поймут это окрылявшее поэта чувство. Многие любящие и любимые доподлинно знают, что любовь неотделима от жажды ощущения Всевышнего и Его благословения. Оттого влюблённые, как чистого, так и грешного замеса, часто ездят по храмам и монастырям — и нередко принимают Святое крещение. Как священник с двадцатилетним стажем, я был таким ситуациям не раз и не два живым свидетелем. То же, скорее всего, произошло и с Высоцким.

По возвращении из Армении поэт рассказал обо всём случившемся только Людмиле Абрамовой и ещё двум-трём друзьям. Всех прочих он в известность не поставил — это было глубоко личное событие, да к тому же ещё и официально крамольное. Рассказывать об этом направо и налево «в те времена укромные» было бы идентично чтению вслух в общественных местах книги опального Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Для Абрамовой, которая и в те годы была верующей христианкой, этот светлый факт его жизни стал важным и радостным. На память об этом событии она подарила ему Георгиевский четырёхконечный крест, доставшийся ей в наследство от бабушки — сестры милосердия.

Интересно, что Д. Карапетян впоследствии написал воспоминания о своих встречах с Высоцким, но факт крещения в книге не отразил. Почему? В воспоминаниях преобладает мирской дух, смакуются мужские страсти и прочее. Очевидно, что для автора крещение Высоцкого не имело какой-то особой значимости. Личные похождения выглядели куда привлекательнее. Ну да ладно. Всё равно — огромная благодарность Давиду Сааковичу за его поистине добрый поступок. Верю, что за это ему простится множество грехов.

О том, что решение Поэта креститься было делом серьёзным, говорит простой факт: в главных своих стихах поэт думал о том, «что спеть, представ перед Всевышним». Вы не найдёте такого мотива в тогдашних стихах современников Высоцкого.

И ГЛАВНОЕ...

Иногда думаю: а какие песни Высоцкого будут необходимы человеку через десять или через сто лет? Ответом в памяти пульсом сердца звучат его строки:

*Если мяса с ножа ты не ел ни куска,
Если руки сложа, наблюдал свысока.
И в борьбу не вступил с подлецом, с палачом,
Значит, в жизни ты был ни при чём, ни при чём!..*

А так, поживём — увидим.

Почему я пою Высоцкого? В любом случае, это не самоцель. Я занимаюсь творческой интерпретацией, то есть стараюсь увидеть и выложить на струны те духовные нюансы, которые сам, как священник, как верующий человек, улавливаю в бесконечной глубине его творчества. Конечно, в его поэзии, как в большом океане, есть тепло и холод, покой и шторм, есть плюсы и минусы, есть периоды становления и издержек, но есть и вечное, значимое, весомое, то, что от Бога. Вот этот существенный нюанс я и стараюсь отследить в его творчестве.

Чисто внешне у меня есть некоторая схожесть голосовых данных по тембру, что, впрочем, тоже немаловажно, потому что его, наверное, не стоит петь фальцетом. Хотя некоторые и это делают. Во всяком случае, я не занимаюсь копировкой. Почему? Чистая копировка — это полный уход в технику, в стиль, во внешнюю сторону исполнения, в его голос, наконец. Но забывают, что весь шарм, тайный смысл и внутреннее настроение песни формирует неповторимая личность Поэта, её сила и индивидуальность. Личность же — тайна за семью печатями, с ней надо предельно осторожным. Касаться личности и уж тем более дерзать на перевоплощение в Поэта — дело очень опасное и ненужное. До глубин его личности всё равно не дойдёшь, а вот с ума сойдёшь или ещё что-нибудь шизоидное с тобой случится. Поговорите на эту тему с любым профессиональным актёром, и он скажет то же самое.

Так вот, коли его личность на себя перетянуть ты не можешь, то и не копируй. Всё равно он будет петь несравнимо лучше, чем ты, потому что он бесподобный гений этого жанра. И люди будут слушать его, а не тебя. А если при этом ты всё равно слепо продолжаешь копировать гения, хрипишь и весь от себя тащишься, значит, с тобой беда, самообольщение. Со стороны это выглядит безнадежно грустно и смешно. Я слышал хрипящих людей и ничего, кроме отторжения, они у меня не вызывали. Люди-маски. Я слышал блатных людей, которые доводили ранние произведения Высоцкого до каких-то предельно отточенных низменно-блатных точек. То есть каждый из них привносил в его произведения то, чем была исполнена его душа. Из-за этого исполняемые песни становились однобокими и плоскими. Они выхолащивались до примитивного уровня выступающих, получали тёмную печать их размытой личности.

Поэтому чтобы быть здоровым и получать духовную пользу, пой так, как ты его понимаешь, но делай при этом упор на те положительные смыслы, которые важны для тебя и людей и которые ты бы хотел как-то в разумную меру усилить. И обязательно развивай свою личность, её светлые начала. Причём личность твоя должна быть борющейся. Вот в чём допускается и даже благословляется быть схожим с Высоцким. По неприятию лжи,

например, по великодушию, по мужеству, по любви, по святой ненависти к злу и так далее. Это нормально.

Сказал — и задумался. Выходит, я исподволь себя хвалю? Выходит, я — состоявшаяся сильная личность? Нет, конечно, нет, я собою совершенно не удовлетворён. Но так или иначе, а личность моя всё же как-то сложилась, и я священник целых двадцать пять лет, и Бог меня всё ещё терпит, а значит, любит и надеется, что нечто путное из меня, может, выйдет. В любом случае, мне приоткрыта духовная, самая главная и таинственная сторона человеческой жизни, я в ней долго нахожусь, и мне есть, что сказать по этому поводу. Самоуничужение — паче гордости. Вспомните, как говорил Поэт: «Мне есть что спеть, представ перед Всевышним»...

Я пою не все песни Высоцкого. Некоторые мне не то, чтобы чужды — когда ты любишь человека, то принимаешь его, каким он есть. Но всё же некоторые его произведения, где содержатся богохульные моменты, мне неприемлемы. Это, к примеру, песня «Про Деву Марию, плотника Иосифа и Святого Духа», «Песня про кабанов» — отличная, кстати, песня, а вот вторая её строчка — отвратительная и богохульная, из-за неё я лишаю свой репертуар потрясающего произведения.

Но я не виноват.

Потом есть кое-какие его дворовые песни из жанра городского романа: «Я однажды гулял по столице», «Нинка», «Я любил и женщин, и проказы». В них от некоторых строчек просто коробит. Или: «Позабыв и дела и тревоги». Там — настроение солдатской казармы и тёмных подворотен. Прощу прощения за резкость, но думаю, что имею на это право. Я его выстрадал, потому что за Высоцкого нередко подвергаюсь сильным нападкам со стороны и верующих, и неверующих. Они обличают меня как священника и заявляют, что моё дело — не тренькать блатные песни пьяницы и наркомана, а спасать себя и паству. Добрые люди. Хорошо, хоть подмётные письма *куда надо* не пишут. А может, и кропают, кто знает?... А Пушкина любят. Его богохульные произведения умильно проглатывают, его похощений в упор не замечают. Сплошные европейские двойные стандарты. А неверующие говорят: смотрите, вон, поп поёт Высоцкого, что он в нём, кликуша, понимает? И про религиозность его всё врет.

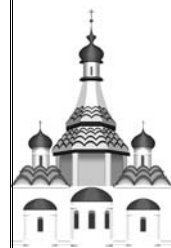
В общем я, священник, занимаюсь Высоцким, потому что он — великий Поэт России, и пою его потому, что помимо голосовых и исполнительских данных особенно глубоко чувствую Поэта именно с духовной стороны. Вот и всё. Такая игра на гитаре, на мой взгляд, стоит свеч. В наше тёмное и жестокое время мой акцент в песнях Высоцкого — решительность, определённая позитив, но также и мягкость, чтобы не было в его песнях зашкаливающей подчас нервозности и надрыва. Где надрыв, там рядом — депрессия, агрессия, убийство и самоубийство. Всего этого нужно сейчас избегать. Жизненно важен положительный момент.

Не скажу, что его песни легко показывать. Владимир Семёнович, кстати, любил это слово: «показывать». В нём, в этом слове, есть особая глубина. Петь Высоцкого — колоссальный труд. Это титаническая работа в рамках песни — мини-спектакля, где бездна смысла и возможностей. Надо уметь быть филигранным и не переборщить. И всегда соблюдать чувство меры. И не придумывать того, чего сам Поэт не подразумевал.

Хочу, как интерпретатор, выйти на рубежи его *суровой нежности*. И вот здесь-то мне, как личности, предстоит ещё только покорять свой Монблан. Ибо в каких-то существенных, нравственных вещах Поэт неизмеримо выше меня, хотя я и священник. У него есть песня о сбитом друге — лётчике. Она называется «Всю войну под завязку», где он поёт:

Не слышать его пульса
С сорок третьей весны,
Ну а я окупился
В довоенные сны.
И гляжу я, дуряя,
Но дышу тяжело,
Он был лучше, добрее, добрее, добрее,
Ну а мне повезло.

Слушая эти строки, я всегда поражаюсь, как Поэт произносит эти слова. Он говорит их как тот, кто доподлинно знает, что такое добро и любовь. Вот где он выше. И вот здесь-то как раз мне и нужно стремиться к его планке, ибо я человек грешный, а он своими страданиями и подлинно живыми, прекрасными песнями — верю — обрёл от Бога прощение множеству своих грехов. Потому что его лучшие песни — это великие дела любви. У поэта дело — его врачующее слово.

Обратите внимание, что люди поют его песни, и им делается легче. Причина не в энергетике Поэта и не в уникальном завораживающем голосе, а в силе и нравственной наполненности песен. Все они — отзвук его мощной личности, которую дьявол так и не сумел окончательно убить ни водкой, ни наркотиком, ни полным физическим изнурением.

Как писал Окуджава о Высоцком, он «...как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа». Да, это так. А умер он, как гладиатор, в неравной схватке. Ему никто не помогал в его внутренней борьбе, на той незримой арене, где Бог

и дьявол борются за душу человека. Туда, на это поле битвы, не могли попасть ни его любимые, ни его друзья. Там он был совершенно один и изнемогал, потому что не имел духовного опыта борьбы со страстями, а стало быть, и того духовного оружия, которым они только и низлагаются. Какого оружия? Своевременного покаяния, твёрдой веры и смирения пред Богом. Имея их и используя по назначению, он мог бы стать святым Владимиром. Но он погиб в неравном бою.

На эту правду я тоже ставлю акценты в его песнях.

Простите, если что не так.

